

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И МЕНТАЛИТЕТ

А.С. Дриккер

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.4.10595

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация. Особенность российской истории — регулярное воспроизводство однотипных системных кризисов. Чтобы разорвать порочный круг, реализовать наличный потенциал, требуется, в первую очередь, осознать глубинные внутренние причины подобной зацикленности. Истоки ее следует, конечно, искать в истории, как древней, так и современной, предоставляющей достаточно материала для анализа и поиска конструктивных возможностей разрешения вековых проблем, центральной среди которых является самоидентификация. Неразрешимость этой проблемы, а как следствие и неопределенность целей и перспектив — результат так и не преодоленного внешнего (западного) влияния, сформировавшего устойчивый комплекс национальной неполноценности. Этот комплекс наиболее явно обнаруживается на ценностном уровне. Анализ наиболее успешных периодов развития страны и культуры приводит к выводу, в поисках выхода не следует, в очередной раз, брать за основу модные, но чужеродные модели. Путь к самоутверждению в глобальном (как и в феодальном) мире — поиск органичных для своей культуры целей и ценностей, базирующихся на собственном культурном опыте и наследии.

Ключевые слова: самоидентификация, эволюция, ценность, комплекс, реформы, западники, славянофилы, адаптивность, история, элита.

Адаптивность сложных и сверхсложных систем (живых, искусственных, общественных) в агрессивной внешней среде в качестве неперемного условия предполагает наличие программы целеполагания, способности к аргументированному предпочтению. Основные алгоритмы или инстинкты это прогрессивный механизм достижения цели¹. Что же требуется для адекватного выбора цели? Вероятно, в первую очередь, понимание начальных и граничных условий: своей природы, задатков, наличного потенциала, подлинного положения во внешней среде. Никто не может знать человека глубже, чем он сам, но, как известно, познать себя — задача невероятной сложности. Но без ее хотя бы частичного решения не бывает свершений личностных. Также и для общества, залог успеха — трезвая оценка, самоидентификация.

Критичный взгляд на актуальную ситуацию² приводит к грустному заключению: российское общество не может прийти к хоть сколько-нибудь согласованному, аргументированному мнению — в какой же стране мы живем: европейской или азиатской, традиционной культуры или западно-либеральной, частнособственнической экономики или тоталитарно-клановой. А потому, естественно, ни элита, ни общество, ни, тем более, «народ» не представляют, куда же движется страна, и даже, куда бы мы хотели прийти³.

Самое модное объяснение этих и множественных иных неразрешимых и не разрешаемых проблем постсоветского периода (в политике, эконо-

¹ Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Наука, 1958.

² Давыдов В.А. Процесс реконструкции исторического прошлого (особенности влияния культуры и общества) // Философия и культура. 2011. № 3. С. 14–24.

³ Гуревич П.С. Механика политической мифологии // Психология и психотехника. 2013. № 7 (58). С. 621–626.

Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 13-03-00449.

мике, образовании, здравоохранении...) связывает их с пагубным влиянием советской власти. Казалось бы, пример этой власти, толковавшей негативные стороны действительности исключительно как пережитки царизма, должен насторожить. Но долгое десятилетие печальных девяностых продемонстрировало всеобщее (сверху донизу) увлечение знакомой примитивной моделью. Позиция новой элиты, власть имущих вполне понятна. Однако всенародная поддержка подобной политики отражает ее совпадение с массовым внутренним самоощущением.

Сама по себе подобная реакция не столь уж ужасна, она вполне понятна, легко объяснима. Плохо другое: постоянный отказ от своего прошлого, от самих себя, вновь и вновь возвращает страну на порочный круг, химеры минувшего вдруг являются в настоящем, пробуждая, например, странную ностальгию по самым страшным нормам и нравам советского режима. В телевизионных опросах после разоблачений кошмаров сталинского террора национальным героем избирается — Иосиф Сталин. Вероятно, корни сложной проблемы вовсе не у поверхности — в большевистском периоде, а в глубинах многовековой истории.

История и география

Так уж сложилась история и география восточных славян, что они оказались на периферии цивилизованного мира. Тыл России — полярная тундра и бескрайнее болото Западной Сибири. Потому, хотя страна непрерывно ширилась к востоку и северу, внимание, интерес сначала вызывал роскошный заморский Юг (Византия), а затем словно магнитом притягивала столь чужеродная, не оборотимо притягательная Европа.

Начальный период русской истории — время варяжской иноземной власти. В славном прошлом щит на врата Цареграда (в отличие от Бранденбургских) водружали Ольгерды, Ингмары, Харальды, скандинавские летописи сохранили родословную «наших» князей до тридцатого колена⁴. Более девяноста процентов дружинников Олега, судя по именам, — скандинавские викинги. Элита мало того что инородна, она иноязычна, говорит по-шведски. Со временем варяги обрусели, но взор их по-прежнему притягивает богатство и величие

Константинополя. Что подтверждает предпочтение Владимира: его не увлекают уговоры хазар или католиков, в качестве высшего образца, источника веры он избирает Византию. Для варварской страны идеал довольно экзотический — самый отдаленный и чуждый из всех возможных (обратим внимание, что этот выбор предопределил весь последующий исторический путь).

Кто знает, как могло сказаться длительное воздействие древней империи и культуры, но с падением киевской Руси под натиском с востока появляется влияние куда более мощное — татарское. Совершенно, казалось бы, чужеродная культура кочевников, скотоводов неожиданно отвечает национальному характеру: вся наша государственность, система общественных взаимоотношений, управления взяты, по мнению Ключевского⁵, у татар. Названный сын хана Александр Невский без сомнений отдает предпочтение татарам, постоянно опираясь на последних в борьбе с немцами и шведами. Вскоре после вторжения Батыя мощь Орды падает, тем не менее, русские князья практически единодушно сочетают вассальную преданность хану с активной междоусобной борьбой с единоверцами и противостоянием польско-литовским — христианским — врагам. Иван Калита проводит в Сарае столько же времени, сколько современные губернаторы в Москве, разорение Твери, Новгорода, закрепившее главенство московского княжества, свершается лишь с санкции и при активной поддержке татар.

Однако Орда, так и не сумев оправиться от разгрома, учиненного Тамерланом, постоянно слабеет и после взятия Иваном Грозным Казани и Астрахани заканчивает историческое существование. Восточный старший брат исчезает почти одновременно с падением православной метрополии — Византии. Этот неожиданно возникший вакуум провоцирует неумеренные претензии («Москва — Третий Рим!») и стимулирует уже у Ивана Грозного интерес не к литовско-польской родне и соседям, но к заморской Европе: немцам, англичанам. Петр Первый окончательно и бесповоротно утверждает в качестве идеала недостижимые, крайне далекие образцы: Голландию, Англию, Францию.

Русская история, в которой власть на начальном этапе олицетворяется завоевателями, иноземцами не уникальна. Так Британию сначала захватывает Рим, через несколько веков бриттов побеждают анг-

⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории в 5-и т. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1993.

⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории в 5-и т. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1993.

ло-саксы, затем норманны покоряют саксов⁶. Однако в западной культуре модель взаимоотношений верхов и низов характеризуется сглаживанием противоречий за счет общественной самодеятельности и влияния закона — письменного права, развивающегося вместе с грамотностью. Устранение разрыва между аристократическим и плебейским сословиями приводит к становлению среднего класса⁷, а правовой прогресс, сопровождающий этот процесс, ведет к возникновению весьма оперативной регулятивной общественной системы — либерально-демократической, действующей в интересах значительной и наиболее востребованной части населения.

Государственная история России имеет весьма отдаленное сходство с английской. В XVI веке объединение русских земель завершает православный московский великий князь. Однако Карамзин⁸, например, приравнивает царствование Ивана Грозного к татарскому игу, а Ключевский усиливает это сравнение: «так, зря бесчеловечно и безбожно разгромил большой древний город [Новгород — А.Д.] с целой областью как никогда не громили никакого русского города татары⁹». Постоянно воспроизводящаяся инородность власти, ее независимость от реального положения страны, народа не способствовали росту взаимопонимания с населением.

Общественные реформы в Англии отнюдь не являли собой образец гуманизма (достаточно вспомнить жестокость, бесчеловечность, сопровождавшую процесс «огораживания¹⁰»), но, тем не менее, в них просматривается движение к компромиссу. Российские преобразования до 1861 года (Ивана IV, Петра I, Екатерины II) проводились исключительно в пользу правящего дворянского класса. Начиная с Уложения 1649, введены сотни статей о власти помещика и практически ни единого ограничения¹¹, хоть сколько-нибудь учитывавшего интересы крестьянства. Никаких прав,

признанных законом, для тяглого сословия не существовало в течение веков.

Трехсотлетнее правление Романовых — время государственной стабильности, период вполне достаточный для консолидации нации. Но ни взаимопонимания, ни среднего класса в России, конечно, возникнуть не могло. По прошествии двух с лишним веков обнаруживаются даже не два класса, касты, но две нации, не имеющие практически почти ничего общего, никакого основания, чтобы понять друг друга, говорящие в буквальном смысле слова на разных языках: аристократическое сословие на французском, домашний язык Романовых — немецкий.

Анамнез

XIX-й век — время пробуждения национального самосознания, представленного с различных позиций Аксаковыми, Киреевским, Чаадаевым, Герценом... Два лагеря, сформировавшиеся в результате этого культурного подъема, созревания, — западников и славянофилов¹², лишь слегка модифицируясь, сохранялись на протяжении всей последующей истории. Такую константность можно объяснить главенствующим в национальном бессознательном глубинным комплексом неполноценности по отношению к Западу.

Непреодолимость этого непрерывно фрустрирующего комплекса связана с неспособностью к самоидентификации, рефлексии, критической самооценке. К примеру, позорное поражение в русско-японской войне вырождавшаяся власть не захотела воспринять мало-мальски реально (рапорт Столыпина, в котором разгром русской армии назван естественным исходом столкновения воинства современного, грамотного с темным и отсталым¹³, вызвал лишь гнев Николая II, а рекомендация — введение всеобщего народного образования — была решительно отвергнута). Однако не только правящая, но и оппозиционная часть элиты не смогла оценить ни масштаба угрозы национальной безопасности, ни глубинных причин провала дальневосточной авантюры. В итоге — новое тотальное поражение свершилось по прошествии всего лишь десяти лет.

⁶ Иглз Р. История Англии. М.: АСТ, Астрель, 2008.

⁷ Треvelyan Дж.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории: М.: Русич, 2001.

⁸ Карамзин Н.М. Избранные сочинения в 2-х т. Т. 1. М., Л.: Художественная литература, 1964.

⁹ Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. С. 99.

¹⁰ Мортон А.Л. История Англии. М.: Иностранная литература, 1950.

¹¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.

¹² Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России / Сост., вступит. ст., указ. имен и коммент. А.В. Белова. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

¹³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры в 3-х т. Т. 3. М.: РОССПЭН, 1993–95.

Пожалуй, самый яркий пример попытки преодоления (к сожалению — лишь временного) национального комплекса неполноценности обнаруживает советское время. Удивительные достижения советского периода (с колоссальными, ужасными издержками и потерями) явили взлет, высшую точку в истории России, которая превратилась в мощнейшую сверхдержаву. Сегодня (отстранившись от политических пристрастий и антисоветской ангажированности) остается констатировать бесспорность успехов советской власти, удивительные темпы развития: 1917-й — глубокий кризис государственности в безграмотной стране, 1932-й — ликвидация неграмотности¹⁴, еще через пятнадцать лет — утверждение советской науки и техники, по прошествии следующего пятнадцатилетия — реальная претензия на мировое военно-политическое лидерство, поддержанное научно-техническим потенциалом. Запад ошеломило советское первенство в космической области, являвшей концентрат прогресса, советское вооружение, авиация, теоретическая наука, искусство — как теперь можно с уверенностью сказать — отвечали самым высшим стандартам!

Но отчего же при таком-то прогрессе рухнула Советская держава? Не выдержала гонки вооружений? Если бы это предположение имело основания! Дело хуже — сверхдержава не пережила благополучия. Романтические успехи хрущевской поры — это последствие того посыла, что был сделан в страшные сталинские годы, усиленного воодушевлением, надеждами, которые породило завершение массового террора и позитивные жизненные перемены (итогом этих факторов явился и технологический успех). Однако по мере того, как жесткая узда слабела, а жизнь становилась легче, вдохновение сходило на нет. Именно сытость (по местным, российским меркам) застойной эпохи, убивая романтику, вытесняя вдохновение, порожидала апатию и вела к упадку.

Либеральная власть в русском характере вызывает не благодарное признание, а пренебрежение. Как только репрессивность слабела, эффективность государственной системы падала. Советская империя не сумела догнать и перегнать не то что Америку, но даже Грецию. Вырождавшаяся в мирном сосуществовании идеология ничего не могла противопоставить прелестям Запада, о которых советские граждане (сначала партийная элита, а затем и

¹⁴ Малышев М.П. Организация и планирование всеобщего среднего образования. М.: Учпедгиз, 1953.

рядовой состав) все больше узнавали после падения железного занавеса. Может быть зависть (порочное наследие крепостного прошлого), проявившаяся сильнее всего в элите, которая видела ближе и много чаще заглядывала в окна европейского дома, стимулировала привычную модель поведения по отношению к богатым и сильным, в данном случае — к западным соседям: позорное пренебрежение, отказ от собственных корней, ценностей, убеждений, предательскую сдачу позиций. Например, решающий провал в области информационных технологий имел одним из истоков решение отказаться от собственных разработок вычислительной техники в пользу модели IBM. Кризис ценностных ориентаций¹⁵, неумные обольщения и жалкие идеалы, сконцентрированные в страстном и неудовлетворенном желании трехсот миллионов приобрести джинсы, явились приговором Советскому Союзу¹⁶, крах которого не замедлил последовать.

После этого крушения в сегодняшней демократической России застарелый комплекс неполноценности определил едва ли не полностью общественное сознательное и подсознательное, разросшись до уровня патологического. Государственная власть, ее оплот — политическая, деловая, культурная элиты — полтора десятилетия уговаривали российский народ жить, как в «цивилизованных странах», соблазняя его удивительными достижениями Запада (уровнем жизни, комфорта, политический прав, свобод...), откровенно признавая собственную второсортность. В отсутствии рефлексии подобное унижение естественно требует компенсации, которая сегодня проявляется в болезненном самовосхвалении, ксенофобии, возрождении грубого национализма, в попытках реабилитации и реанимации советского прошлого, дополняемого православной идеологией и адаптируемого к «передовой» рыночной реальности.

В поисках выхода

Где же искать возможности выстоять в жестком конкурентном мире сегодняшнему российскому обществу, пребывающему в явной растерянности,

¹⁵ Гуревич П.С. Кризис ценностных ориентаций // Кавказские научные записки. 2010. № 1 (2). С. 207–215.

¹⁶ Дриккер А.С. Демократия и демография // Культура и гигиена. Гуманизм как потребность. Будапешт: Каирос — Ассоциация за венгеро-российское сотрудничество, 2012. С. 38–67.

чуть ли не с каждым днем сдающему культурные позиции, теряющемуся в списке слаборазвитых стран¹⁷? Технологичный, успешный Запад вряд ли имеет смысл брать за образец. При том, что использовать, конечно, следует любой опыт (культура это непрерывная цепь заимствований), но продуктивность прививок и гибридизации¹⁸ определяется реакцией на совместимость: английская палата лордов вряд ли уместна в североамериканских штатах, тем более на российской равнине. Но и византийски-славянская старина вряд ли может служить ориентиром. Слишком давно исчезла Византия, много раньше Киевская Русь, все наши представления о ней лежат в области легенд и мифов. Но если не подходит ни Запад, ни Восток, что остается? Огромная страна между ними, которая упорно не желает внимательно посмотреть на себя.

Что вполне понятно, поскольку ничего вдохновляющего ни вблизи, ни в отдалении обнаружить не удастся. Увы, за двадцать лет торжества российской демократии страна не может похвастаться ни единым заметным достижением. Не то что время брежневского застоя, но даже страшные, зловещие сталинские годы в сравнении с сегодняшними выглядят эрой расцвета культуры. Упадок и апатию отмечает такой четкий индикатор как спортивные успехи страны. Еще недавно грозные хоккейные и футбольные дружины проигрывают теперь кому ни попадя.

Но иного — кроме как обратиться к национальной культуре, наследию — не дано. К тому же легко убедиться, что подобное обращение крайне эффективно. За последние два столетия (от Николая I до Путина), очевидно выделяются два периода устойчивого национального роста¹⁹ (в самом широком спектре показателей). Это царствование Александра III с его политикой национального протекционизма и полным отказом от воинственных претензий, имевшим следствием удивительный промышленный и культурный расцвет. И советский период. Так что изоляция от Запада, мягкая, осознанно выбранная или вынужденная, жесткая,

оказывалась крайне благоприятной для роста национального самосознания и прогресса.

Суровые обстоятельства настоятельно требуют трезво взглянуть на собственные достоинства и недостатки: уникальную способность при воодушевлении, когда вызов достигает уровня смертельной опасности, к самым смелым свершениям, невиданному подъему и отваге, недюжинное воображение, креативность, замечательную пластичность; с другой стороны — недостаток работоспособности, упорства, надежности, стойкости, неумение справляться с трудностями жизни.

Недостатки эти вполне преодолимы, во всяком случае — их несложно сгладить, компенсировать. Догнать Америку, на ее накатанном пути вряд ли удастся, но может быть, и не нужно. Много ценнее понять себя: истинные, глубинные желания, устремления, реальные способности, возможности, склонности наших сограждан.

Но чтобы сдвинуться с мертвой точки, требуется некий вдохновляющий импульс. Откуда его можно ожидать? Сверху — сегодня от богатых? Увы, в среде новых хозяев жизни нет и подобия Генри Форда, богатство и энергия которого были устремлены не к неумеренной роскоши, обжорству и чванству, но к цели достойной — улучшить жизнь простого американца. Главным меценатом русской культуры остается по сей день Джордж Сорос, который потратил на поддержание далекой ему русской культуры в 90-е годы (имея скрытые цели или нет — не столь существенно) 500 миллионов долларов, больше, чем все наши олигархи вместе взятые.

Низы, безропотно, без единого организованного протеста перенесшие инфляционные и девальвационные грабежи, бесконечные социальные унижения 90-х, проявили такое безволие, апатию, что по максимуму их активности может хватить на разгром винных лавок, да и то при попустительстве полиции.

Быть может, главная надежда это уникальный субъект национальной культуры — интеллигенция? Опять, увы. Всемирная отзывчивость русской души никак не проявилась в тяжелейшие годы перестройки, бедствия простого народа, сельского населения не вызвали ни малейшего сочувствия у поэтов, ученых, актеров, технократов. В ходе рыночных реформ интеллигенция — ум, честь, совесть нации — в соответствии с прогрессивными экономическими теориями конвертировала свои исключительные духовные достоинства в более-менее

¹⁷ Глобальный рейтинг экономик по показателю валового национального дохода на душу населения. Центр гуманитарных технологий. (<http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info>).

¹⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 2004.

¹⁹ Дронов И.Е. Сильный, Державный...: Жизнь и царствование Императора Александра III. М.: Русский издательский центр, 2012.

пристойный материальный эквивалент²⁰ (в валюте, публикациях, грантах, зарубежных гастролях...).

Тогда — церковь, новый и, казалось бы, перспективный игрок на общественном поле? Оценивая историческую роль русской православной церкви, пренебрежем мнением западников и обратимся к таким ярким патриотам-почвенникам как И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, к глубоко верующему человеку, религиозному философу Вл.С. Соловьеву, блистательному знатоку русской истории и самобытных сторон культуры В.О. Ключевскому. Все они совокупно определяют деятельность русской церкви негативно: «Умственное бесплодие не может быть поставлено в прямую вину русской иерархии.... Прямая же ее вина в том, что она уклонилась от своего общественного призвания²¹»; «Мы прожили много, сотворили духом мало и стоим у какого-то страшного предела²²»; «в деле церкви ревнивей всего охраняется благовидность, *desogum*²³». При том, что «коренную Россию нельзя причислить к странам, скудно населенным привилегированными классами: духовенства, например, в православных русских губерниях в 1867 г. было в шестеро больше, чем в католических привислинских, и почти в шесть раз больше [на душу населения — А.Д.], чем в протестантских остзейских²⁴».

Все эти «родовые» дефекты, к сожалению, наследует нынешняя РПЦ, претендующая при общественном и властном одобрении на утраченную после петровских реформ роль духовного лидера, пастыря. Конечно, мы говорим о процессах культурных, но достаточно убедительную аналогию можно отыскать в природном, биологическом развитии: согласно закону Далло²⁵ путь эволюции необратим: если вид не использовал потенциальную возможность, то возвратиться к ней он уже не способен. Боюсь, что, не использовав потенциал, столь

востребованный в такой стране, какую являла до-революционная Россия, и вновь не сумев занять сколько-нибудь заметные позиции даже в той благоприятной обстановке растерянности и духовного вакуума 90-х, РПЦ утратила возможность обрести серьезное влияние в обществе²⁶.

Надежда в безнадежности

Итак, ситуация не безрадостная, а скорее безнадежная. Скучный спектр передовых общественных идей обуславливается полной ориентацией на Запад, который либо раболепно принимается за эталон, либо (в набирающей силу инверсной установке, определяемой тем же силовым полем) напрочь отрицается в пылу завистливого и болезненного отстаивания собственной исключительности. Хотя история удивительного взлета и сокрушительного падения российско-советской империи — наглядный пример пагубности подобных устремлений. Первая в мире страна социализма всего за пятьдесят лет из аграрной периферийной азиатской империи превращается в супермощную сверхдержаву, которая, утрачивая ценности и меняя курс, выбирая цели и идеалы «цивилизованного мира», всего за десятилетие утрачивает все обретенное невиданными трудами: промышленность и плохое, но все же распаханное поле, высокую науку и художественную культуру.

Итог очевиден: к успеху можно прийти только на пути органичном, незаёмном. Чуждые ценности (какими бы прекрасными они не казались) не способствуют национальным свершениям. Вековой опыт подтверждается и советским, и демократическим: усилия безнадежны, никогда в России не будет немецкой порядки, голландского чистоты, швейцарского достатка. К тому же сытое довольство противопоставлено «русской душе»; подъем и мобилизация сил являются как реакция на стресс, мощное давление, а увлекают эту душу не рациональные цели, а фантастические: повернуть реки вспять, улететь в космос, уйти в «виртуальный» мир (алкоголя или Интернета).

Смена красного знамени на трехцветное, комсомольского значка на православный крест не коснулась тех злополучных ментальных проявлений, которые ассоциировались с загнившим советским

²⁰ Дриккер А.С. Проблема самоопределения: мечты и жизнь // Культурологические записки. Вып. 4. Роль интеллигенции в формировании картины мира. М.: Государственный институт искусствознания, 1998. С. 115–121.

²¹ Соловьев В.С. О духовной власти в России // Соловьев В.С. Собр. соч. в 15-и т. Т. 3. М.: ПАИМС, 1992. С. 230.

²² Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского. СПб.: Наука, 1991. С. 295.

²³ Аксаков И.С. Сочинения в 7-и т. Т. 4. М., 1887. С. 91.

²⁴ Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990. С. 231.

²⁵ Клягин Н.В. Современная научная картина мира. М.: Логос, 2007.

²⁶ РПЦ подходит к поворотному моменту в истории. «Le mariage de Poutine et de l'église orthodoxe à l'épreuve de Pussy Riot. Slate.fr», 16/08/2012.

строем: отчуждения власти от народа, общественного равнодушия, апатии, но в равной степени характерны и для дореволюционного прошлого. Более того, аккумуляция подобного негатива в смутное переходное время усилился, и ничто не предвещает на этом пути улучшений в обозримом будущем²⁷.

Shopping как венец жизнедеятельности, утверждающий торжество мещанства, потребительского идеала можно понять как реакцию на наследственно тяжелый быт, бесчисленные ограничения, привычные для советской жизни. Но принять такой идеал невозможно. Неужели десятки миллионов сгинули, прокладывая дороги в заполярье, чтобы удовлетворить примитивные инстинкты «нового класса»? Неужели все мечты о свободах свелись к обретению свободы обжорства и воровства, в котором, прямо или косвенно, принимает участие сто процентов способного к тому населения?

Однако, быть может, священная собственность, определявшая курс западного (а в последнее время и всего остального) мира, столь завлекательная для исторически бедного народа, сколь и неподходящая, даже губительная для него в качестве движущего начала, утрачивает свой магнетизм? Возможно, культура близка к переходу в новую фазу, а в такой ситуации аутсайдер имеет определенные преимущества. Слабая связь с материальной жизнью, пластичность, характерные для русской ментальности, дают шанс успешно трансформироваться, адаптироваться к непривычным условиям: грядущей интеграции и дифференциации, космополитизму Интернета или освоению Марса.

Русская история и география, гигантские размеры страны привели к формированию плохо поддающейся управлению пирамидальной структуры. Но жесткое деспотическое устройство, унаследованное от ханства и пронизывающее все слои сверху донизу, определяет способность такой системы к самым удивительным трансформациям, инициируемым сверху. Таковыми были глобальные, радикальные перемены всей общественной и частной жизни, внедренные Петром I за считанные годы, революционные перевороты 1917 и 1991 годов, превратившие православную, монархическую страну в атеистическую социалистическую, а по

прошествии семидесяти лет в одночасье обратившие все слои Российской Советской Федерации в православно-капиталистическую веру.

Возвращаясь к печальному прошлому и безрадостному настоящему, которое не сулит никаких успехов на либеральном, прагматичном пути, тем более — на византийски-буржуазном, а иных перспектив не намечает, заметим, жизнь — сложнее любых схем. Надежды нет на избитом пути с его глубокой колеей: на Запад или в противоположную сторону. И может быть, безысходность этого маршрута, такая отчаянность, что остается надеяться лишь на чудо, — перст судьбы, неожиданный вариант для русской культуры? Ведь чудом можно назвать и послереволюционное, тем более постсталинское возрождение выжженной страшным огнем террора культуры, подлинным чудом была, например, героическая победа одиночки — Солженицына — в противостоянии системе.

К тому же заключение о бездуховности, захлестнувшей всё общество, конечно, — преувеличение: у лучших представителей душа отчаянно болела. Истинные борцы с пагубностью прошлого и негодностью настоящего — великий писатель Александр Солженицын²⁸, выдающийся философ и мыслитель Александр Зиновьев²⁹ — крайне ясно увидели гибельность надвигающихся перемен и всячески предостерегали от попыток прожить чужую жизнь. Правда, их не захотел услышать никто (ни правые, ни левые, ни творческая интеллигенция, ни офицеры милиции), откуда и явилась ситуация если уж не беспросветная, то крайне мрачная, угрюмая.

Ужасная, трагичная и великая история первого в мире «народного» государства не принесла ее населению желанной свободы. Высказывание Вл. Соловьева, относящееся к XIX веку, весьма актуально сегодня, в XXI веке: «Дело социального освобождения не может ограничиваться одним материальным порядком. Тело России свободно [если бы! только-только становится таковым сегодня — А.Д.], но национальный дух все еще ждет своего 19-го февраля³⁰» (дня оглашения манифеста об отмене крепостного права).

²⁸ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда. Спец. выпуск, приложение к газете. 1990. 18 сентября.

²⁹ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.

³⁰ Соловьев В.С. Русская идея // Россия глазами русского. СПб.: Наука, 1991. С. 328.

²⁷ Феллер В. Проблемы и перспективы России в первом десятилетии XXI века // Феллер В. Мир 2030 и Россия 2010. (www.vf.narod.ru).

Несмотря на петровские, советские, демократические реформы, Россия — страна глубоко периферийная по отношению к центрам цивилизации, страна с традициями, формировавшимися в условиях бедности, тяжелого климата, вдали от путей активного торгового и промышленного развития. Бессмысленно и безнадежно стучаться в клуб богатых и сильных, номера там забронированы (Америка, Китай...), дальше дворницкой не пустят. Но, быть может, это и есть исторический шанс.

Расчетливо бережливую деловитость (столь органичную для протестантской, кальвинистской традиции) трудно представить в качестве источника пассионарности, воодушевления, без которого народ — во всяком случае, русский — не способен подняться. Куда достойней собственный выбор, путь, отвечающий природе, только на этой стезе можно избавиться от векового комплекса, найти свою роль, в которой насущны не пустые прожекты вхождения в «золотой миллиард» или проблемы избыточного веса, а стремление помочь голодным, мечта о справедливости, человечности, понимание того, что «бедные» ничуть не хуже «богатых», более того — ближе к царству Духовному.

Трудно, но очень хочется поверить, что даже после рыночных реформ, заявленная не однажды лучшими представителями национального духа, столь несхожими как А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, историческая цель — пробуждение добрых чувств, милость к падшим, сострадание к униженным и оскорбленным — не будет отринута, но после избавления от той имперской,

тяжелой, безрадостной формы, которую явила Советская Россия, увлечет миллионы на бескрайних русских просторах и далеко за их пределами, намечая вдохновенный путь к всечеловеческим социалистическим идеалам и христианскому милосердию.

* * *

Положение национальной, самобытной (как и остальные) культуры крайне угрожающее. В сегодняшнем, стремительно меняющемся мире времени для самоутверждения остается все меньше. Но, может быть, именно, сложность и практическая безвыходность подтолкнут к тому, чтобы упорней искать себя, свое, сродное, то, о котором так вдохновенно писал никогда не соблазненный смешными, пустыми почестями, званиями, должностями, глупой сытостью, быть может, самый оригинальный национальный философ — Григорий Сковорода: «Узнай, внемли себе и послушай Господа своего. Есть в тебе царь твой, отец и наставник. Воньми себе, сыщи его и послушай Его. Он один знает, что тебе сродное, сие есть полезное³¹».

И если это сродное, «вникнув в самого себя и вняв живущему внутри и зовущему его³²», обнаружить, то остальное приложится. Россия никогда не будет такой богатой как Америка, такой трудолюбивой как Китай. Но может быть, стоит прислушаться к королю Бутана — карликового государства в Гималаях: «Меня не интересует валовой доход, я хотел бы только, чтобы мои подданные были счастливы».

Список литературы:

1. Аксаков И.С. Сочинения в 7-и т. Т. 4. М., 1887.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Наука, 1958.
3. Гуревич П.С. Механика политической мифологии // Психология и психотехника. 2013. № 7 (58). С. 621–626.
4. Гуревич П.С. Кризис ценностных ориентаций // Кавказские научные записки. 2010. № 1 (2). С. 207–215.
5. Гуревич П.С. Проблемы элиты нашего времени // Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты / отв. ред. А.А. Королев. М.: Изд-во МосГУ, 2010. С. 49–58.
6. Давыдов В.А. Процесс реконструкции исторического прошлого (особенности влияния культуры и общества) // Философия и культура. 2011. № 3. С. 14–24.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 2004.

³¹ Сковорода Г. Сад божественных песней. Харьков: Фолио, 2009. С. 22.

³² Там же. С. 21.

8. Дриккер А.С. Демократия и демография // Культура и гигиена. Гуманизм как потребность. Будапешт: Каирос — Ассоциация за венгеро-российское сотрудничество, 2012. С. 38–67.
9. Дриккер А.С. Национальная идея: история тысячелетнего поиска // Труды Международной конференции «Искусство и цивилизационная идентичность». М.: Государственный институт искусствознания, 2008. С. 137–154.
10. Дриккер А.С. Проблема самоопределения: мечты и жизнь // Культурологические записки. Вып. 4. Роль интеллигенции в формировании картины мира. М.: Государственный институт искусствознания, 1998. С. 115–121.
11. Дронов И.Е. Сильный, Державный...: Жизнь и царствование Императора Александра III. М.: Русский издательский центр, 2012.
12. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.
13. Иглз Р. История Англии. М.: АСТ, Астрель, 2008.
14. Карамзин Н.М. Избранные сочинения в 2-х т. Т. 1. М., Л.: Художественная литература, 1964.
15. Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990.
16. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Соцэкгиз, 1993.
17. Клягин Н.В. Современная научная картина мира. М.: Логос, 2007.
18. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского. СПб.: Наука, 1991. С. 171–296.
19. Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России / Сост., вступит. ст., указ. имен и коммент. А.В. Белова. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
20. Линицкий П.И. Славянофильство и либерализм (западничество). Опыт систематического обозрения. М.: Либроком, 2012.
21. Малышев М.П. Организация и планирование всеобщего среднего образования. М.: Учпедгиз, 1953.
22. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры Т. 1–3. М.: РОССПЭН, 1993–95.
23. Мортон А.Л. История Англии. М.: Иностранная литература, 1950.
24. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.
25. Сковорода Г. Сад божественных песней. Харьков: Фолио, 2009.
26. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда. Специальный выпуск, приложение к газете. 1990. 18 сентября.
27. Соловьев В.С. О духовной власти в России // Соловьев В.С. Собр. соч. в 15-и т. Т. 3. М.: ПАИМС, 1992. С. 227–242.
28. Соловьев В.С. Русская идея // Россия глазами русского. СПб.: Наука, 1991. С. 297–339.
29. Тревельян Дж.М. История Англии от Чосера до королевы Виктории. М.: Русич, 2001.
30. Филиппов В.А. Новейшая история России. М., 2007.
31. Феллер В. Проблемы и перспективы России в первом десятилетии XXI века // Феллер В. Мир 2030 и Россия 2010. (www.vf.narod.ru).
32. Шестаков В.А. Новейшая история России. М.: Историческая библиотека, 2011.
33. Яжиньска К. Русская православная церковь как часть государства и общества // Неприкосновенный запас. 2013. № 4 (90).

References (transliteration):

1. Aksakov I.S. Sochineniya v 7-i t. Т. 4. М., 1887.
2. Viner N. Kibernetika i obshchestvo. М.: Nauka, 1958.
3. Gurevich P.S. Mekhanika politicheskoi mifologii // Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 7 (58). С. 621–626.
4. Gurevich P.S. Krizis tsennostnykh orientatsii // Kavkazskie nauchnye zapiski. 2010. № 1 (2). С. 207–215.
5. Gurevich P.S. Problemy elity nashego vremeni // Elita Rossii v proshlom i nastoyashchem: sotsial'no-psihologicheskie i istoricheskie aspekty / otv. red. A.A. Korolev. М.: Izd-vo MosGU, 2010. С. 49–58.
6. Davydov V.A. Protseess rekonstruktsii istoricheskogo proshlogo (osobennosti vliyaniya kul'tury i obshchestva) // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 3. С. 14–24.
7. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa. М.: Kniga, 2004.

8. Drikker A.S. *Demokratiya i demografiya // Kul'tura i gigiena. Gumanizm kak potrebnost'*. Budapesht: Kairos — Assotsiatsiya za vengero-rossiiskoe sotrudnichestvo, 2012. S. 38–67.
9. Drikker A.S. *Natsional'naya ideya: istoriya tysyacheletnego poiska // Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii "Iskustvo i tsivilizatsionnaya identichnost'"*. M.: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 2008. S. 137–154.
10. Drikker A.S. *Problema samoopredeleniya: mechty i zhizn' // Kul'turologicheskie zapiski. Vyp. 4. Rol' intelligentsii v formirovanii kartiny mira*. M.: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, 1998. S. 115–121.
11. Dronov I.E. *Sil'nyi, Derzhavnyi...: Zhizn' i tsarstvovanie Imperatora Aleksandra III*. M.: Russkii izdatel'skii tsentr, 2012.
12. Zinov'ev A.A. *Zapad. Fenomen zapadnizma*. M.: Tsentrpoligraf, 1995.
13. Iglz R. *Istoriya Anglii*. M.: AST, Astrel', 2008.
14. Karamzin N.M. *Izbrannye sochineniya v 2–kh t. T. 1*. M., L.: Khudozhestvennaya literatura, 1964.
15. Klyuchevskii V.O. *Istoricheskie portrety*. M.: Pravda, 1990.
16. Klyuchevskii V.O. *Kurs russkoi istorii*. M.: Sotsgiz, 1993.
17. Klyagin N.V. *Sovremennaya nauchnaya kartina mira*. M.: Logos, 2007.
18. Leont'ev K.N. *Vizantizm i slavyanstvo // Rossiya glazami russkogo*. SPb: Nauka, 1991. S. 171–296.
19. Leont'ev K.N. *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii / Sost., vstupit. st., ukaz. imen i komment. A.V. Belova*. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010.
20. Linit'skiy P.I. *Slavyanofil'stvo i liberalism (zapadnechestvo). Opyt sistematicheskogo obozreniya*. M.: Liberkom, 2012.
21. Malyshev M.P. *Organizatsiya i planirovanie vseobshchego srednego obrazovaniya*. M.: Uchpedgiz, 1953.
22. Milyukov P.N. *Ocherki po istorii russkoi kul'tury. T. 1–3*. M.: ROSSPEN, 1993–95.
23. Morton A. L. *Istoriya Anglii*. M.: Inostrannaya literatura, 1950.
24. Paips R. *Rossiya pri starom rezhime*. M.: Nezavisimaya gazeta, 1993.
25. Skovoroda G. *Sad bozhestvennykh pesnei*. Khar'kov: Folio, 2009.
26. Solzhenitsyn A.I. *Kak nam obustroit' Rossiyu // Komsomol'skaya pravda. Spetsial'nyi vypusk, prilozhenie k gazete. 1990. 18 sentyabrya*.
27. Solov'ev V.S. *O dukhovnoi vlasti v Rossii // Solov'ev V.S. Sobr. soch. v 15–i t. T. 3*. M.: PAIMS, 1992. S. 227–242.
28. Solov'ev V.S. *Russkaya ideya // Rossiya glazami russkogo*. SPb.: Nauka, 1991. S. 297–339.
29. Trevel'yan Dzh.M. *Istoriya Anglii ot Chosera do korolevy Viktorii*. M.: Rusich, 2001.
30. Filippov V.A. *Noveyshaya istoriya Rossii*. M., 2007.
31. Feller V. *Problemy i perspektivy Rossii v pervom desyatiletii XXI veka // Feller V. Mir 2030 i Rossiya 2010*. (www.vf.narod.ru).
32. Shestakov V.A. *Noveyshaya istoriya Rossii*. M.: Istoricheskaya biblioteka, 2011.
33. Yazhin'ska K. *Russkaya pravoslav'naya tserkov' kak chast' gosudarstva i obshchestva // Neprikosnovenny zapas. 2013. № 4 (90)*.